

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-2-64-41–68

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕРБЛЮДОВ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА С РЕКИ ТОМЬ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ю.Н. Есин¹, Ж. Магай², Ф. Монна³, Ю.И. Ожередов⁴

¹*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия*

esin2006@yandex.ru

²*Музей доисторической антропологии Монако, Княжество Монако*

jerome.magail@map-mc.com

³*Университет Бургундии – UMR 6298 Национального центра научных исследований
– Министерство культуры, Дижон, Франция*

fabrice.monna@u-bourgogne.fr

⁴*Независимый исследователь, Томск, Россия*

nohoister@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена гравировкам на фрагменте бивня мамонта из низовий р. Томь в Западной Сибири. Он был найден в 1988 г. при строительных работах на окраине г. Северск и передан в Томский университет, но долгое время оставался вне поля зрения специалистов. По результатам AMS датирования его возраст составляет 13100–13005 лет. На поверхности предмета изображены четыре двугорбых верблюда со стрелами и ранами в теле и, возможно, антропоморфная фигура. Установлена последовательность их нанесения. Верблюды образуют две пары, обращенные головами друг к другу. Каждая пара может восприниматься и как самостоятельная композиция, и как часть общей композиции на предмете. Пары противопоставленных животных сопоставлены с особенностью естественного поведения верблюдов – поединками самцов в период спаривания. Наиболее важным стилистическим признаком изображений являются серии коротких поперечных линий вдоль контура фигур, передававшие шерсть. Данный прием является характерным для верхнего палеолита Европы, а также представлен в позднем верхнем палеолите Западной Сибири. Проведен сравнительный анализ животных на бивне с рисунками верблюдов в пещерах Южного Урала, в искусстве Южной Сибири и Центральной Азии. Сделан вывод, что в настоящее время изображения верблюдов на бивне с р. Томь являются древнейшими в Азии. Обнаружение данного образа в Западной Сибири согласуется с гипотезой о появлении в позднем верхнем палеолите региона подвижных групп населения с более южных территорий.

Ключевые слова: Западная Сибирь, поздний верхний палеолит, искусство палеолита, бивень мамонта, двугорбый верблюд

Данные об авторах: Есин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; Магай Жером – PhD, антрополог Музея доисторической антропологии Монако; Монна Фабрис – PhD, профессор Университета Бургундии; Ожередов Юрий Иванович – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Репертуар искусства эпохи палеолита Евразии довольно разнообразен и уже неплохо изучен. Его характерными зооморфными образами являются крупные представители мамонтовой фауны северной части континента. В последнее время, однако, в восточной части ареала появляются материалы, позволяющие дополнить этот репертуар еще одним животным – двугорбым верблюдом. Так, большую известность получило нарисованное краской изображение этого животного, найденное недавно в ходе расчистки отложений кальцита в пещере Шульган-Таш (Капова) на Урале. Эта фигура стала объектом специального изучения в последних работах Е.Г. Дэвлет¹.

Данная статья посвящена изображениям верблюда на другом уникальном памятнике – фрагменте бивня мамонта из долины р. Томь в Западной Сибири. Он был случайно найден еще в 1988 г., но до сих пор остается малоизвестным для специалистов. Будут рассмотрены вопросы стиля, композиции, возраста рисунков, их исторической интерпретации.

ИСТОРИЯ ОБНАРУЖЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ БИВНЯ С ГРАВИРОВКАМИ

В июне 1988 г. в Томский государственный университет (ТГУ) поступило сообщение, что при строительстве гаража на окраине г. Северск Томской области обнаружены части скелета мамонта и камень со сколами по периметру, напоминающий топор. Для проверки информации на место выехали археологи С.А. Терехин, А.Д. Гаман и студент исторического факультета А.Н. Кондрашев. На строительной площадке они увидели извлеченные из земли три фрагмента бивня (один крупного диаметра и два диаметром примерно в 1,5 раза меньше), челюсть молодого мамонта с двумя зубами хорошей сохранности и более 20 фрагментов от крупных зубов (возможно, двух). Камень со сколами к этому времени оказался утрачен. В ходе зачистки места находки обнаружить другие артефакты или культурный слой археологам не удалось.

Место находки расположено на второй или третьей надпойменной террасе р. Томь, правого притока р. Обь, примерно в 2 км от современного русла (рис. 1) и известно под названием Парусинка. Терраса сложена из кварцитовых песков, для добычи которых здесь ранее появился карьер. В конце 1980-х гг. на его территории стали строить гаражи и дополнительно срезали часть склона террасы. Именно здесь на глубине примерно 2 м от дна карьера и около 3–4 м от современной дневной поверхности были сделаны находки. Они залежали на окатанной гравийной прослойке, которая, по мнению геологов, могла образоваться в русле древнего ручья.

Разрозненные части скелетов мамонта ученых ТГУ не заинтересовали, поэтому оказались дома у А.Н. Кондрашева. Спустя некоторое время он очистил от слоя песка самый крупный бивень и обнаружил на поверхности непонятные фигуры из тонких резных линий, среди которых угадывался двугорбый верблюд и стрелы. Посчитав, что линии нанесены человеком, он привез бивень в студенческую научно-исследовательскую лабораторию исторического факультета ТГУ. Из-за отсутствия специалистов по эпохе камня бивень там не вызвал интереса и пролежал забытым до конца 1994 г., когда при переезде лаборатории в другое помещение

¹ Дэвлет и др. 2018; 2018а.

был передан в Музей археологии и этнографии Сибири (МАЭС) ТГУ. Осмотр бивня в МАЭС ТГУ подтвердил предположение о наличии рисунков. А.Н. Кондрашев, к тому времени уже окончивший университет и сам ставший археологом, изложил обстоятельства находки и свои наблюдения заведующему МАЭС Ю.И. Ожередову, а позднее опубликовал их в газете г. Северск².

К моменту передачи в МАЭС из-за длительного хранения в неблагоприятных условиях бивень рассохся и растрескался. Поверхность местами осыпалась, заостренное окончание частично разрушилось, расслоившаяся поверхность вспучилась, а пульпа частично высыпалась наружу. Все это сильно затрудняло изучение гравировок и угрожало их сохранности. Для предотвращения дальнейшего разрушения предмета заведующим музея, по совету палеонтологов ТГУ, поверхность бивня была пропитана раствором из клея марки «БФ» и спирта. Чтобы остановить продольное расщепление на бивень были наложены три кольцевые повязки.

В 1995 г. по приглашению заведующего МАЭС бивень с гравировками изучал новосибирский археолог В.Е. Ларичев с художником В.И. Жалковским. Другой специалист по палеолиту из Новосибирска В.Т. Петрин, осмотрев бивень, тогда же побывал на месте находки. Учеными был сделан вывод о подлинности и важности обнаруженных гравировок, но получить их качественную копию не удалось. В.Е. Ларичев высказывал предположение, что вырезанные на поверхности предмета ряды коротких линий связаны с древним календарем³.

Тогда же изучение находки провел руководитель палеонтологической лаборатории ТГУ С.В. Лещинский. Он включил ее в одну группу с другими бивнями и изделиями из бивня мамонта с насечками и прорезями эпохи позднего палеолита, обнаруженными на юго-востоке Западной Сибири⁴. В 1996 г. Ю.И. Ожередов самостоятельно выполнил первую зарисовку гравировок бивня на бумаге, на основе которой затем подготовил две научные публикации⁵. Краткую информацию об этой находке на основе рисунка Ю.И. Ожередова публиковал еще один томский археолог – Е.А. Васильев⁶.

Осенью 2016 г. новое документирование гравировок на бивне провели Ж. Магай и Ю.Н. Есин.

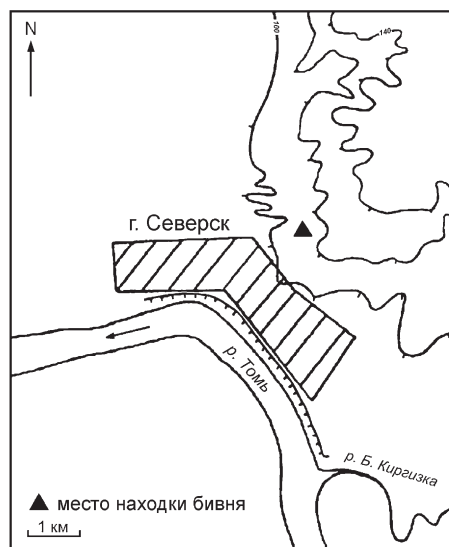

Рис. 1. Карта места находки бивня в 1988 г. Сост. Ю.И. Ожередов

² Кондрашев 1996; Ожередов 2016, 183.

³ Веснина 1995; Кондрашев 1996.

⁴ Лещинский 1997, 120.

⁵ Ожередов 1997, 2016.

⁶ Васильев 2004.

Рис. 2. 3D модель бивня с гравировками

ХАРАКТЕРИСТИКИ БИВНЯ И ЕГО ВОЗРАСТ

Осмотр бивня из Парусинки показал, что это лишь часть бивня мамонта (рис. 2). Длина фрагмента по внешней дуге – 74 см, по внутренней – 63 см. Диаметр основания – 9,4 см. Согласно определению С.В. Лещинского, который опирался на обмеры и следы естественной стертости острия, это передняя часть примерно полутораметрового бивня зрелого самца мамонта возрастом 35–40 лет.

По краю излома бивня обнаружены следы зарубок, свидетельствующие о том, что отделению данной части в древности предшествовала подрубка по периметру вдоль линии разделки. После этого он был переломлен. Аналогичные следы можно увидеть на ломаных бивнях с местонахождения Луговское ниже по течению р. Обь⁷. В отделенном состоянии предмет просуществовал настолько долго, что по кромке разлома острые некогда грани сгладились.

По предположению В.Е. Ларичева и В.Т. Петрина, возраст бивня с рисунками из Парусинки мог составлять около 18–20 тыс. лет. По мнению Е.А. Васильева ему около 16–17 тыс. лет⁸. Эти датировки основывались на соотношении находки с возрастом наиболее известных стоянок человека эпохи палеолита, открытых в низовьях р. Томь (Томская, Могочино). У Ю.И. Ожередова был иной подход: предполагая некоторое сходство общих признаков рисунков с искусством культуры мадлен в Западной Европе, он датировал их в диапазоне 15–10 тыс. лет.⁹

В 2014 г. Музеем доисторической антропологии Княжества Монако было проведено радиоуглеродное датирование образца, отобранного Ю.Н. Есиным и Ю.И. Ожередовым из внутренней части бивня. Впервые были получены объективные данные о его возрасте: 11180±40 лет (Conventional radiocarbon age), а при калибровке с вероятностью 95% – 13100–13005 лет (11150–11055 лет до н.э.) (Beta-400624). Применительно к существующей периодизации памятников позднего палеолита Западной Сибири это связывает находку с позднесартанским периодом (15000–10000 л.н.), который известен по таким стоянкам, как Черноозерье II, Луговское и др.¹⁰ В контексте разработанной для Сибири геологиче-

⁷ Машенко и др. 2006, рис. 40.

⁸ Васильев 2004, 7.

⁹ Ожередов 1997 (в публикации ошибочно напечатано «до н.э.»).

¹⁰ Зенин 2002; Васильев и др. 2005, 56–63; Макаров 2009.

ской периодизации возраст бивня соответствует финалу третьей фазы сартанского времени, которую в целом характеризует более теплый, чем в предыдущей фазе, климат с развитием эоловых процессов¹¹.

Однако, поскольку возраст контекста находки не был четко установлен, вопрос возраста изображений, их соответствия возрасту бивня требует дополнительной проверки в ходе изучения техники нанесения, стиля и композиции.

МЕТОДИКА ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Изображения на бивне с р. Томь имеют ряд особенностей, существенно усложняющих задачу документирования. Основные среди них следующие: 1) техника нанесения рисунков тонкими и неглубокими резными линиями, что затрудняет их выявление и прослеживание; 2) форма и способ использования изобразительной поверхности на округлом в сечении, длинном, изогнутом и тяжелом предмете, что не позволяет полностью увидеть фигуры и распознать их без вращения предмета; 3) плохая сохранность (растрескивание и осыпание многих участков поверхности), нарушившая полноту и целостность изображений.

Первые исследователи изображений В.Е. Ларичев и В.И. Жалковский пытались решить задачу документирования, обводя тонкие линии на самом бивне простым карандашом, чтобы сделать их более заметными для последующей зарисовки или фотографирования. Остатки этой подрисовки, порой неточной, были зафиксированы нами при изучении предмета в 2016 г.

Методика, примененная Ю.И. Ожередовым в 1996 г., включала визуальное выявление линий на поверхности бивня, последовательные измерения и зарисовку части из них на плоскости бумажного листа в масштабе 3:1. Эта методика позволила распознать на бивне фигуры четырех верблюдов и выделить несколько других образов¹², однако оставляла некоторые сомнения в полной объективности и точности полученного результата.

Новое изучение гравировок, проведенное в 2016 г. Ж. Магаем и Ю. Н. Есиным, включало фотосъемку объемной поверхности предмета для последующего создания 3D модели. Помимо этого, была выполнена фотосъемка фрагментов поверхности в искусственном косом свете (рис. 3), позволяющем лучше зафиксировать гравированные линии, а также макросъемка фотоаппаратом и с помощью портативного микроскопа. Применение последнего метода, несмотря на клеевое покрытие поверхности, показало сходство резных линий с гравировками, выполненными каменными инструментами, а также обусловленную возрастом сглаженность краев этих резных линий. Рисунки выполнены очень острым резцом, который в зависимости от силы нажатия позволял получать черту шириной около 0,1–0,15 мм и тоньше. Чтобы сделать элементы рисунков лучше видимыми, часто применялось повторное движение резцом вдоль предыдущей черты, позволявшее увеличить ширину линии в 2–3 раза. В некоторых случаях заметны слабо прочерченные линии, которые можно считать остатками эскиза фигур.

¹¹ Цейтлин 1979, 262.

¹² Ожередов 2016, рис. 2, 3.

Рис. 3. Некоторые фрагменты бивня с гравировками: *a, b* – широкий конец бивня с фигурой верблюда 4; *c* – головы верблюдов 1 и 2; *d* – основание переднего горба верблюда 3; *e* – передняя нога верблюда 1 и задняя нога верблюда 3; *f* – ноги предполагаемой антропоморфной фигуры. Фото Ю.Н. Есина

На следующем этапе Ф. Монна была проведена обработка фотографий и получена 3D модель бивня в программе Agisoft PhotoScan. Затем поверхность этой модели была развернута на плоскости, чтобы обеспечить возможность прорисовать гравировки.

На заключительном этапе по этой развертке в программе Photoshop с помощью дополнительных изобразительных слоев и графического планшета Ю.Н. Есиным была выполнена прорисовка изображений. Создание графической прорисовки крайне важно для последующего проведения различных аналитических процедур. Однако и сама прорисовка уже является первым этапом анализа и, в значительной мере, определяется его целями. В ходе документирования на поверхности бивня было обнаружено довольно много резных линий разной глубины, толщины, длины. Одни линии перекрывают другие, их одновременность и принадлежность единой композиции не очевидны. Кроме того, имеются участки, покрытые серией небольших бороздок, кое-где видны следы рубящих ударов. Попытка прорисовать все неизбежно создает эффект «информационного шума», затрудняющего вообще изучение гравировок на предмете. Существуют и естественные ограничения методики такой прорисовки, так как невозможно передать очень тонкие линии, чтобы затем они были различимы при публикации рисунка довольно крупного предмета в уменьшенном масштабе. По этим причинам задача прорисовать все гравировки не ставилась, а основное внимание было направлено на выявление линий, образующих какие-либо фигуры и повторяющиеся сочетания. Также фиксировались и другие линии, если они прочерчены достаточно глубоко. Более полное представление о рельефе тех или иных участков поверхности предмета можно получить по публикуемым фотографиям. Фотографии фрагментов поверхности в косом свете и макроснимки позволили разобраться в случаях перекрывания одних линий другими и выяснить последовательность нанесения рисунков.

СТИЛЬ И КОМПОЗИЦИЯ ВЫЯВЛЕННЫХ ФИГУР

Верблюды. Изучение гравировок на развертке поверхности бивня позволило зафиксировать четыре фигуры двугорбых верблюдов. На прорисовке они выделены разным цветом и пронумерованы (рис. 4). Все четыре животных изображены в одном стиле и с использованием одинаковых технических приемов и инструментов. Важнейшей стилистической особенностью является сочетание линий контура фигур с серией коротких поперечных надрезов, расположенных с внутренней стороны контура. Иногда линия контура в отдельных частях фигуры не прослеживается, и контур образуют сами серии коротких надрезов. У всех верблюдов изображено только по две ноги. Нижние концы линий контура каждой ноги, в большинстве случаев, не соединены между собой. У животных показаны пучки густой шерсти, выступающие в верхней части передней ноги и рядом на животе, внизу шеи, у основания горбов, на лбу. Голова всегда маленькая и угловатая. В двух случаях можно распознать показанный точкой глаз. Изображены хвосты, вытянутые назад и вниз. В целом рисунки животных весьма реалистичны и демонстрируют хорошее знание природы.

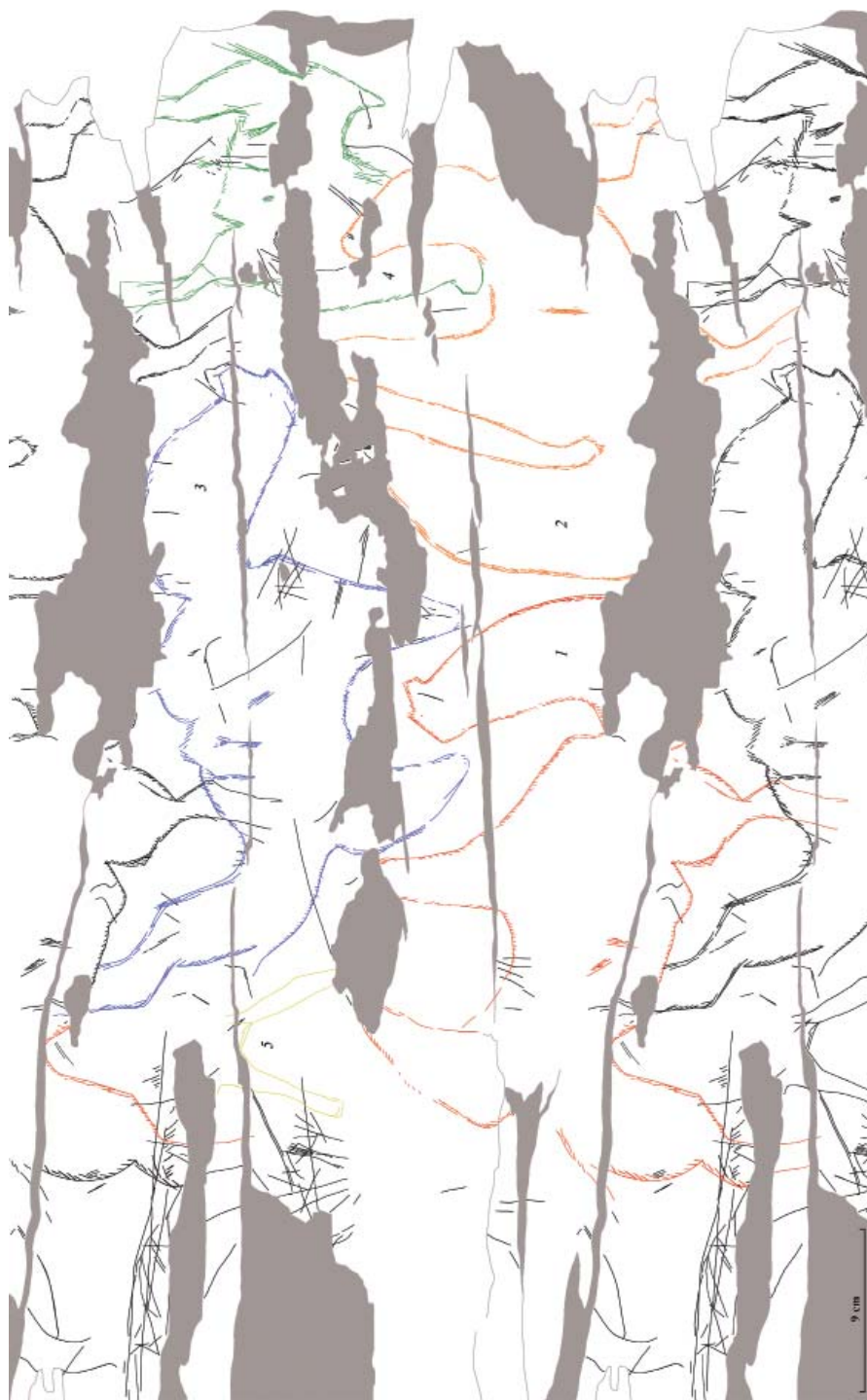

Рис. 4. Изображения на бивне с р. Томь: 1–4 – фигуры верблюдов; 5 – возможный антропоморфный образ. Рис. Ю.Н. Есина

По положению на поверхности бивня и относительно друг друга верблюдов можно разделить на две пары: а) фигуры 1 и 2; б) фигуры 3 и 4. Животные каждой пары направлены головами навстречу друг другу и образуют горизонтальный ряд. Важно, что контуры животных одной пары не пересекаются и не соприкасаются. Иначе обстоит дело с животными разных пар: живот верблюда 3 изображен поверх передней ноги верблюда 1, а длина его задней ноги уменьшена из-за живота верблюда 1; при создании контура переднего горба и шеи верблюда 4 частично использован уже имевшийся контур заднего горба верблюда 2. Это показывает, в какой последовательности изображены пары верблюдов. Также это демонстрирует, в какой последовательности создавались части каждой фигуры: верблюдов 3 и 4 начали изображать с горбов и голов, которые аккуратно вписаны в пространство между горбами и головами уже имевшихся на бивне верблюдов 1 и 2; ноги небольшого по размеру верблюда 4 при этом также удалось вписать между ног верблюда 2, но линии живота и ног животных 1 и 3 пересеклись.

Анализ размеров, пропорций и взаимного положения фигур позволяет реконструировать и последовательность их нанесения в рамках второй пары. Горбы крупного верблюда 3 вписаны в пространство по бокам головы верблюда 1, а шея вытянута вперед (а не вверх, как у верблюдов 1 и 2), чтобы не пересекать голову верблюда 2. Следовательно, размещая фигуру 3, резчик был ограничен только контурами фигур 1 и 2. После появления верблюда 3 свободного места для верблюда 4 на фрагменте бивня осталось совсем мало. Видимо, именно поэтому в качестве контура шеи и переднего горба верблюда 4 частично использован контур заднего горба верблюда 2. Из-за маленького размера четвертый верблюд единственный, для восприятия которого почти не нужно вращать бивень.

Каждая фигура животного наносилась на поверхность бивня так, чтобы по возможности не нарушить остальные. В этом смысле все они могут рассматриваться как части общей композиции, покрывающей основную часть бивня за исключением острия. В то же время последовательность нанесения фигур и противопоставление соседних фигур посредством изображения их мордами друг к другу, повторенное дважды, позволяют рассматривать каждую пару в качестве самостоятельной базовой композиции. В пользу автономности каждой пары также свидетельствует разная ориентация на изобразительной поверхности предмета: положение верблюдов одной пары относительно другой при вращении бивня вдоль продольной оси воспринимается как перевернутое.

Представляется, что композиция на бивне фиксирует запоминающуюся и важную естественную особенность поведения верблюдов. Неслучайно она многократно повторяется в изображении пар противопоставленных верблюдов у разных народов эпохи бронзы, раннего железа и средневековья Южной Сибири и Центральной Азии¹³. Во многих случаях наглядно показано, что композиция объединяет двух противников-самцов, вступивших или готовых вступить в ожесточенную борьбу. У современных двугорбых верблюдов такое поведение ежегодно повторяется в период спаривания (обычно, январь – февраль). Возможно, что и на бивне с р. Томь показаны три взрослых самца, нагулявших за лето большие горбы и готовых к поединкам. Верблюд 4 выделяется среди других фигур несколько

¹³ Мухарева 2007, рис. 4–7.

Рис. 5. Стрела в животе верблюда 4: *a* – полное изображение (фото Ю.Н. Есина), *b* – фрагмент нижнего конца древка стрелы с оперением (фото Ж. Магая)

меньшим размером горбов. Это может быть обусловлено как недостатком места и использованием контура верблюда 2, так и желанием изобразить более молодую особь. Дополнительно стоит отметить, что в каждой паре верблюд с более крупной шеей и горбами расположен справа. Это можно расценивать как указание на существование оппозиции правый – левый, сопряженной с другими качественными характеристиками. Композиции, использующие противоположную ориентировку тел двух одинаковых животных, появляются в эпоху палеолита, хотя в Европе они относительно редки¹⁴.

Стрелы и раны на верблюдах. Внутри контура верблюдов имеются дополнительные изображения, в которых можно распознать стрелы (либо легкие дротики с оперением на конце), вонзившиеся в живот (рис. 5). У стрел не показан наконечник, а оперение имеет вид нескольких расходящихся от конца древка линий. Все стрелы расположены острием вверх, полностью или наполовину внутри контура зверя. Также к числу стилистически важных признаков нужно отнести наличие возле передних концов стрел нескольких параллельных коротких линий, которые в общем контексте могут соотноситься с раной или вытекающей из нее кровью.

Помимо этого, на животе у всех верблюдов показаны обособленные группы из параллельных линий. Их также необходимо рассматривать как повторяющийся элемент изображений. Скорее всего, это изображения ран, хотя само оружие здесь не показано.

Стрелы и раны указывают, что на бивне изображены дикие верблюды, которые были объектом охоты человека. Стоит обратить внимание, что у верблюдов 1 и 2, образующих первую пару, на теле показаны только раны, а все стрелы связаны с животными второй пары. Это еще раз косвенно подтверждает композиционную

¹⁴ Plassard 1995; Clottes, Lewis-Williams 1997, Abb. 102, 107.

автономность каждой пары. Обычно такие детали рисунков эпохи камня, вслед за А. Брейлем, А.П. Окладниковым¹⁵ и др., трактуют в контексте гипотезы об «охотничьей магии», помогающей в практической добыче зверя.

Антропоморфная фигура (?). Между задних ног верблюдов 1 и 3 намеренно нанесена по контуру сложная фигура, напоминающая по форме две ноги человека, расставленные как при ходьбе вправо (правда, без выделенных ступней). На рисунке она обозначена цифрой 5 и выделена желтым цветом (рис. 4, 3f). Не исключено, что здесь действительно показана антропоморфная фигура, верхняя часть контура которой образована ногами животных. Подобный прием использования линий предыдущего рисунка в качестве части новой фигуры использован на этом же бивне при создании рисунка верблюда 4. Если это предположение верно, то всю фигуру можно рассматривать как изображение человека в накидке из шкуры (шкуры верблюда?) или образ, сочетающий антропоморфные и зооморфные признаки. На поверхности бивня верх данной фигуры ориентирован аналогично верху у первой пары животных и перевернут относительно второй. При этом ее голова расположена на уровне живота верблюда 1, и в реальной топографии изобразительного текста вся фигура находится между животом и ног обеих пар.

Особенность стиля предполагаемого персонажа проявляется в очень обобщенном контуре верхней части фигуры и отдельном от него изображении ног, которые просто помещены внутри этого контура. Схожий принцип показа фигуры представлен у двух антропоморфных изображений, вырезанных в эпоху верхнего палеолита на бивне мамонта с р. Яна в Якутии, хотя они древнее на 15 тыс. лет и отличаются стилистически¹⁶.

В контексте главной темы рисунков на бивне антропоморфный образ может иметь отношение к охоте на верблюдов. Это могло быть изображение замаскированного охотника, подкрадывающегося к зверю, или иного персонажа, как-то способствующего успеху охоты. Отчасти схожим образом, позы нескольких животных, расположена фигура «колдуна в маске» в пещере Тюк-д'Одубер (направляет животных к людям?)¹⁷. Правда, в отличие от «колдуна в маске», использование в качестве контура сибирской фигуры линий ног животных затрудняет ее обнаружение зрителем, прячет среди верблюдов. Такой способ показа фигуры мог быть связан с той же первобытной магической логикой, которую чаще всего предполагают при интерпретации изображений стрел и ран эпохи палеолита. В рамках этой логики изображение хорошо замаскированного охотника рядом с объектом охоты – залог успешного сближения человека с реальным зверем.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛЯ

Наиболее важный стилистический признак фигур на бивне с р. Томь – это обозначение их контура продольной резной линией в сочетании с серией коротких поперечных надрезов или только поперечными надрезами. В контексте истории искусства Евразии такой способ изображения контура объекта типичен для позднего палеолита Европы. При этом он не связан с каким-то одним видом животных

¹⁵ Окладников 1967, 65, 66; Clottes, Lewis-Williams 1997, 66–72.

¹⁶ Pitulko et al. 2012, fig. 11C.

¹⁷ Дэвлет 2004, рис. 30.

Рис. 6. Поперечные линии по контуру фигур как стилистический прием в искусстве палеолита Европы: 1 – Труа Фрер; 2 – Мас-д’Азиль; 3 – Фош Коа (по: Clottes, Lewis-Williams 1997, Abb. 47, 109, 101)

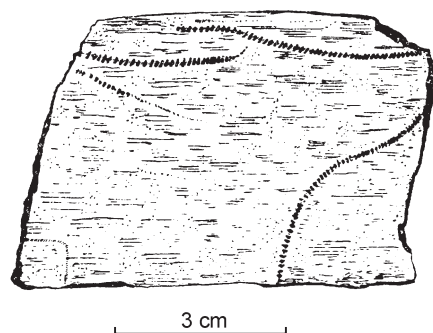

Рис. 7. Контур фигуры из поперечных надрезов на обломке костяной пластины, Черноозерье II (по: Петрин 1986, рис. 53, 5)

и мог быть исполнен в разной технике: резьбой (рис. 6, 2), выбивкой (рис. 6, 3), краской. Сами поперечные линии вдоль контура фигур первоначально, несомненно, обозначали шерсть (рис. 6, 1). Широкое распространение такого приема могло быть связано с резьбой по кости, т.к. поперечные надрезы позволяли сделать тонкую линию контура лучше заметной. В результате такой прием мог получить и самостоятельное значение, как, видимо, на бивне мамонта из Кирилловской стоянки позднего палеолита Украины¹⁸ или на фрагменте костяной пластины со стоянки Черноозерье II на р. Иртыш в Западной Сибири (рис. 7).

Различные виды метательного оружия в теле животных и раны – типичная особенность искусства эпохи палеолита Европы, отражающая мировоззрение охотников того времени. При этом оперение стрел на бивне с верблюдами весьма своеобразно и отличается от большинства европейских изображений. По форме оперения, положению стрелы на теле животного, наличию коротких наклонных

¹⁸ Окладников 1971, рис. 1.

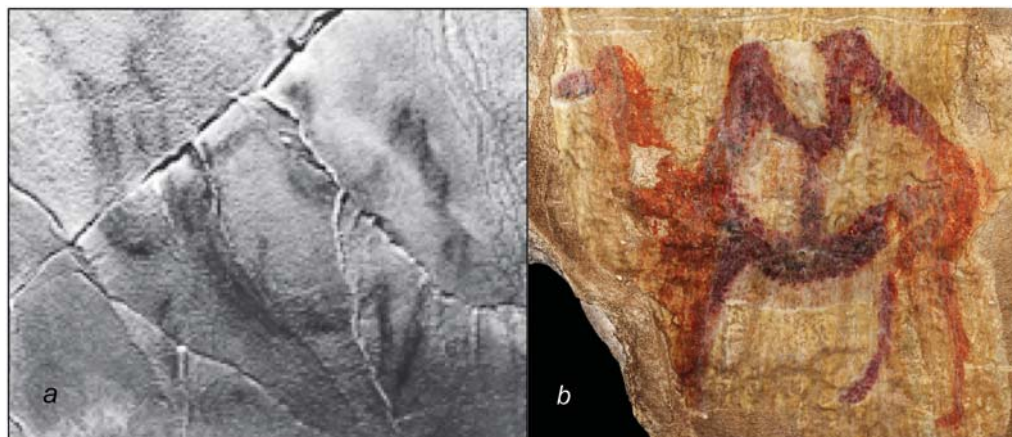

Рис. 8. Изображения верблюдов из пещер Южного Урала: *a* – Игнatieвская (по: Широков, Петрин 2013, фото 103); *b* – Шульган-Таш (по: Дэвлет и др. 2018а, рис. 1)

линий вдоль одной стороны передней части древка стрелам на бивне наиболее близки рисунки стрел из пещеры Коске¹⁹, которые в целом датируют несколькими тысячелетиями ранее сибирского бивня. В искусстве голоцена Сибири и Центральной Азии специальные изображения ран у животных очень редки, а стрелы имеют иное оперение и чаще расположены острием вниз или вбок и снаружи, а не внутри контура фигуры.

Образы верблюдов с двумя высокими горбами, созданные в эпоху палеолита, обнаружены в двух пещерах на Южном Урале: в Игнatieвской (Ямазы Таш) и Шульган-Таш (рис. 8). В первой рисунок выполнен черной краской и имеет длину около 70 см²⁰. Подобно верблюдам на бивне с р. Томь, у него прослеживается небольшой свисающий вниз хвост, показано только две ноги по контуру (передняя сохранилась плохо), в основаниях горбов имеются уступы, шея загнута вверх и завершается маленькой головой с гребнем шерсти сверху, густая свисающая шерсть специально выделена на шее. На животе верблюда показана короткая вертикальная линия, которая могла обозначать рану или метательное оружие. Рядом с верблюдом краской того же цвета и в том же стиле нарисованы лошади.

Верблюд из Шульган-Таш длиной 63 см нарисован красной краской и сохранился лучше²¹. На его туловище между высокими горбами имеется вертикальная линия. Не исключено, что, как и на р. Томь, это изображение раны или оружия. Вместе с тем, в отличие от изображений с р. Томь, у него четыре ноги с выделенными ступнями и узкая длинная морда. Также у обоих верблюдов из пещер Урала живот изображен выгнутой вниз дугой, а у фигур с р. Томь живот имеет более сложную форму с выступающим пучком шерсти в передней части. Верблюд пещеры Шульган-Таш тоже соседствует с рисунками лошадей. Способ показа ног аналогичен с соседними лошадьми.

¹⁹ Clottes, Lewis-Williams 1997, Abb. 61.

²⁰ Широков, Петрин 2013, 65.

²¹ Дэвлет и др. 2018, 142; Житенев 2018, 185.

В качестве хронологических ориентиров для определения времени функционирования верхнепалеолитического святилища Игнatieвской пещеры могут рассматриваться даты органики из исследованного там же слоя посещения, имеющие диапазон от 14200 ± 660 (ИЭРЖ-54; кости животных) до 10400 ± 465 (СОАН-2468; уголь) лет²². Некалиброванные радиоуглеродные даты материала из верхнепалеолитических культурных слоев Шульган-Таш относятся к интервалу от 16010 ± 100 (KN-5023) до 13930 ± 300 (ГИН-4853) лет, что при калибровке дает возраст 19500–16000 лет²³. Колонка уран-ториевой пробы, отобранная возле изображения верблюда из Шульган-Таш, позволяет датировать наслоения кальцита этой плоскости (включая слои, образовавшиеся поверх рисунка) в диапазоне от 40 до 14,5 тыс. л.²⁴ Таким образом, и по совокупности стилистических признаков, и по вероятному возрасту ближе всего к изображениям с р. Томь оказывается рисунок верблюда из Игнatieвской пещеры.

К эпохе палеолита ранее было отнесено изображение двугорбого верблюда из пещеры Хойт-Цэнхэрийн Агуй в Монголии²⁵. Однако в последнее время набор образов и возраст данного памятника являются предметом дискуссии²⁶, поэтому использование рисунков этой пещеры в качестве сравнительного материала для проведения нового современного документирования не кажется целесообразным.

Для полноты картины очень кратко рассмотрим также изображения двугорбых верблюдов эпохи голоцена к югу от Западной Сибири. Самые ранние известные сегодня изображения верблюдов в относительно неплохо изученной Минусинской котловине на юге Сибири появляются в I тыс. до н.э., а наибольшее число рисунков и стилистических вариантов относится к средневековью (рис. 9). Судя по контекстам большинства фигур – это уже домашние животные, объектом охоты они не являлись. Около начала I тыс. до н.э. датируется и наиболее ранняя в Минусинской котловине достоверная находка кости верблюда эпохи голоцена²⁷. Дикий верблюд на этой территории в голоцене, видимо, не обитал. Примерно такая же ситуация с изображениями верблюда во всей северной части Саяно-Алтая, хотя отдельные рисунки могут быть чуть древнее. Сопоставимых с гравировками на бивне стилистических вариантов здесь не выявлено.

Древнее образ двугорбого верблюда в искусстве западных районов Центральной Азии и на соседней территории Ирана. В частности, рисунок, напоминающий верблюда, зафиксирован на керамике IV тыс. до н.э. памятника Сиалк (рис. 10, 1). Бесспорное распространение образ верблюда получает с III тыс. до н.э. Как и на юге Сибири, он передает не объект охоты, а, главным образом, уже одомашненное животное (часто с поводом, с путами на ногах, запряженное в повозку)²⁸. По стилю изображения верблюдов на плоскости из Центральной Азии III – начала II тыс. до н.э. можно разделить на две наиболее общие традиции: 1) реалистичную, представленную на памятниках как древних земледельцев, так и проживавших по соседству скотоводов (рис. 10, 2–4); 2) геометрическую, представленную пока лишь

²² Широков, Петрин 2013, 80, 86.

²³ Житенев 2018, 9.

²⁴ Дэвлет и др. 2018, 146.

²⁵ Окладников 1972.

²⁶ Варенов 1995; Кубарев 1999; Молодин, Черемисин 1999.

²⁷ Киселев 1951, 142.

²⁸ Сарияниди 1989, 161, рис. 7; 2010, вклейка; Мургабаев 2013, рис. 6, 8, 11, 21, 29; Кирчо 2009, 30.

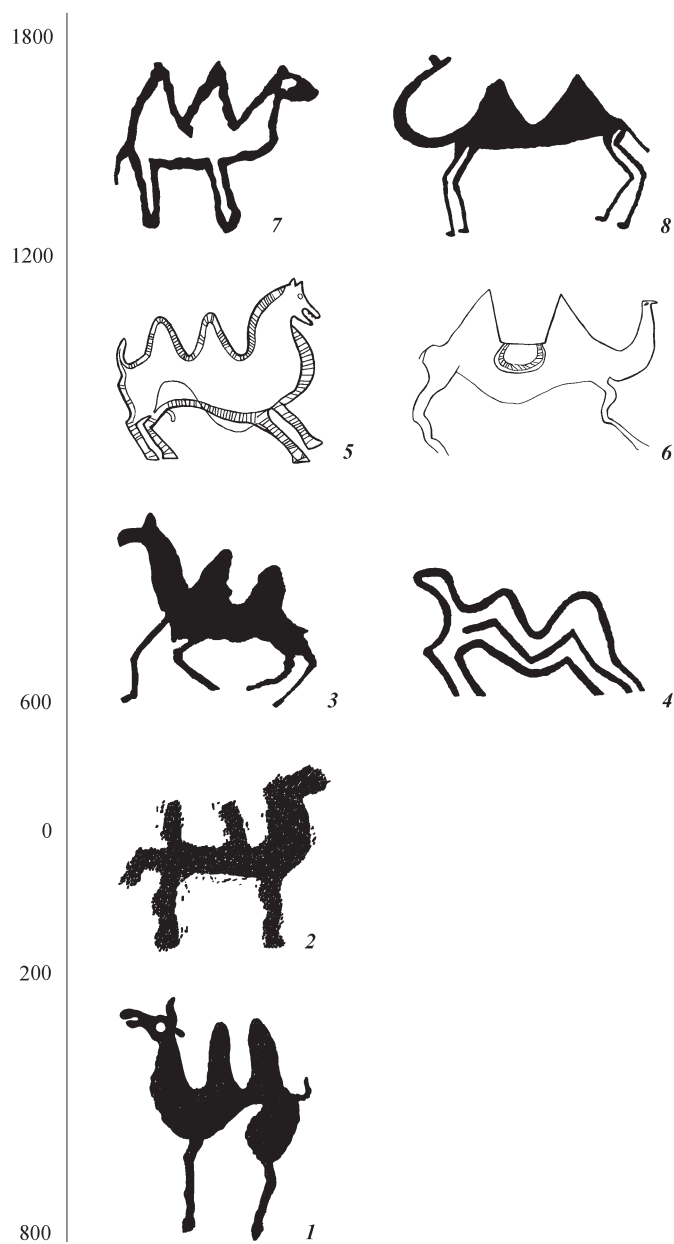

Рис. 9. Возраст некоторых стилистических вариантов изображений верблюда из Минусинской котловины: 1, 2, 8 – Оглахты (1 – рис. Ю.Н. Есина по: Sher et al. 1994, pl. 9; 2 – рис. Ю.Н. Есина; 8 – по: Кызласов, Леонтьев 1980, табл. 46, 4); 3 – Улазы (по: Мухарева 2007, рис. 2, 3); 4 – Уйбатский чаатас (по: Евтохова 1948, рис. 24); 5, 6 – Сулекская писаница (рис. Ю.Н. Есина); 7 – Бельтыры (по: Кызласов, Леонтьев 1980, табл. 46, 4)

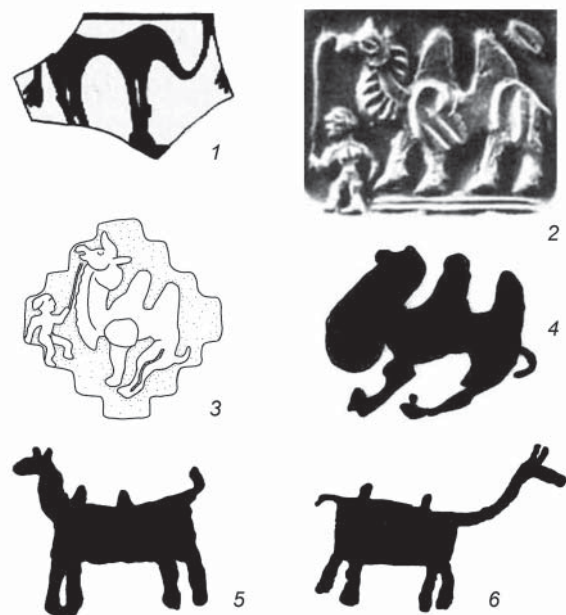

Рис. 10. Некоторые ранние изображения двугорбого верблюда из Западной и Центральной Азии: 1 – Сиалк III, роспись на сосуде (по: Ghirshman 1938, pl. LXXIX, A2); 2, 3 – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, печати (2 – по: Сарияниди 2010, 10; 3 – рис. Ю. Н. Есина по: Сарияниди 1976, рис. 18); 4 – Каратау, петроглиф (по: Мургабаев 2013, рис. 8); 5, 6 – Саймалы Таш, петроглифы (по: Шер 1978, рис. 7; 1980, рис. 107, 12)

на памятнике Саймалы Таш в Кыргызстане (рис. 10, 5, 6). Ареал этих ранних изображений, локализованный в Бактрии, Маргиане и на приграничных территориях, коррелирует с представлениями зоологов о месте и времени одомашнивания двугорбого верблюда²⁹. Во II и особенно в I тыс. до н.э. ареал изображений значительно расширяется, появляются новые типы композиций (например, езда верхом)³⁰. Все это отражает расширение ареала домашней популяции верблюда (в том числе, на юг Сибири), выработку человеком новых способов его эксплуатации, включение образа в различные изобразительные традиции. По некоторым признакам прослеживается преемственность стиля изображения верблюда в эпоху раннего железа с реалистичной традицией эпохи бронзы.

В целом по набору признаков рисунки верблюдов из Нижнего Притомья не имеют аналогов среди известных материалов эпохи голоцена. В тех случаях, когда можно говорить о каком-то сходстве, оно обусловлено воспроизведением экстерьера животных одного вида или относительным подобием отдельных признаков. В то же время стилистические признаки гравировок на бивне наиболее близки использовавшимся в конце позднего палеолита Европы и Западной Сибири, что соответствует радиоуглеродной дате самого бивня. Стилистические различия

²⁹ Larson, Fuller 2014; Peters, Driesch 1997, 656–662.

³⁰ Королькова 2006, 84–104.

между древнейшими изображениями верблюда тоже вполне понятны, учитывая хронологические и территориальные различия между памятниками, использование разной техники исполнения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Обнаружение гравировок двугорбого верблюда на бивне из Западной Сибири в совокупности с рисунками аналогичных образов на стенах двух пещер Южного Урала требует анализа в контексте различных сторон жизни первобытного человека. Очевидно, что появление серии рисунков этого животного не может быть случайным. Их следует оценивать как отражение региональной специфики позднелепестового искусства, обусловленной особенностями местной фауны.

Среди костных остатков позднего плейстоцена на севере Евразии представлены две разновидности двугорбого верблюда: *Camelus knoblochi* и *Camelus bactrianus*. *C. knoblochi* – самый крупный евразийский верблюд, обитавший в среднем и позднем плейстоцене в степях и лесостепях от Восточной Европы до Северо-Восточного Китая³¹. Этот вид имел максимальные ареал и численность в позднем среднем плейстоцене. К началу позднего плейстоцена *C. knoblochi* исчез к западу от Урала, не пережив похолодания, но продолжал обитать в Азии. Немного позднее его заместил *C. bactrianus*, который сформировался в Центральной Азии и был лучше приспособлен к ставшему более аридным климату. Точнее, с точки зрения молекулярной генетики, он был замещен двумя видами *C. bactrianus*, один из которых сохранился к настоящему времени лишь в одомашненной форме³². Считается, что по экстерьеру *C. bactrianus* отличается от своего более древнего родственника несколько меньшим размером при лучше оформившихся и более высоких горбах³³. Позднеплейстоценовые находки, которые связывали с поздними *C. Knoblochi*, известны в среднем течении р. Урал, в Верхнем Приобье, Верхнем Прииртышье, Забайкалье (рис. 11). Также публиковалась информация о костях верблюда из позднеплейстоценовых отложений местонахождения Горново неподалеку от г. Уфа вблизи Игнatieвской пещеры³⁴. К сожалению, описания скелета верблюдов позднего плейстоцена очень ограничены, поэтому допускается, что часть поздних находок, определенных ранее как *C. knoblochi*, могут фактически представлять *C. bactrianus*³⁵.

В настоящее время ближайšie к Нижнему Притомью кости верблюда позднего плейстоцена происходят из окрестностей г. Барнаул и с р. Чумыш. Они датируются временем около 55–30 тыс. л.н. и, судя по размерам, связаны именно с *C. knoblochi*³⁶. Находка с ручья Узунжол в Минусинской котловине принадлежит *C. bactrianus* и предположительно отнесена к сарганскому времени³⁷. Таким образом, ареал обоих верблюдов распространялся на северные предгорья Саяно-Алтая, но время их обитания здесь могло быть разграничено наступлением

³¹ Titov 2008.

³² Burger 2016.

³³ Титов 2003.

³⁴ Широков, Петрин 2013, 82.

³⁵ Titov 2008.

³⁶ Васильев 2016; Буйновский, Хавесон 1953.

³⁷ Маликов 2015, табл. 1, 238; Шпанский 2019, рис. 4.

последнего ледникового периода. Более типичным представителем позднеплейстоценовой фауны двугорбый верблюд был на территории Казахстана, включая Северный Прикаспий и Прииртышье, где, несомненно, являлся объектом охоты человека³⁸. Датировка финальным палеолитом и особенности иконографии верблюдов на бивне с р. Томь (два высоких горба, длинная и густая шерсть), демонстрирующие чрезвычайно близкое сходство с обликом современного двугорбого верблюда, позволяют предполагать, что эти фигуры изображают *C. bactrianus*. Этот же вывод напрашивается и по отношению к изображениям из пещер Урала.

Бивень с изображениями принадлежит к категории мобильного искусства, однако фактическая «мобильность» тяжелого бивня сильно ограничена. В то же время человек, передавший образ верблюда настолько подробно, несомненно, должен был хорошо знать особенности его экстерьера. Поэтому при исторической интерпретации изображений с р. Томь, как и пещерных рисунков Южного Урала, речь может идти о появлении в близлежащих областях самого животного, чтобы живший здесь человек мог его увидеть, либо о мобильности человека, познакомившегося с таким животным на другой территории.

Пещера Шульган-Таш в эпоху создания изображения верблюда находилась вблизи границы южных перигляциальных тундростепей (рис. 11). Надежно определенные позднеплейстоценовые кости двугорбых верблюдов известны сегодня примерно в 250 км к югу от нее на северной окраине прикаспийских степей. Однако резкой границы между этими климатическими зонами не было, и сухая холодная степь с участками лесостепи допускала обитание или временное появление здесь как представителей северной фауны (европейско-сибирской), так и южной (центральноазиатской)³⁹. Колебания климата могли открывать для этого дополнительные возможности. К гипотезе о расширении ареала верблюда на север склонялась Е.Г. Дэвлет⁴⁰. Другая гипотеза объясняет появление образа верблюда в Шульган-Таш миграцией на Урал людей из Прикаспия⁴¹. С учетом расстояния от пещер до прикаспийских степей могли также иметь место сезонные передвижения.

Сценарий, при котором *C. bactrianus* мог кратковременно продвигаться с юга или из междуречья Оби и Иртыша ближе к низовьям р. Томь, на современном уровне знаний вряд ли стоит полностью исключать и для Западной Сибири. Однако находок костей верблюда на территории современной Томской области до сих пор неизвестно. Это делает более вероятным альтернативное объяснение, связанное с мобильностью самого человека. Оно согласуется с гипотезами о южных путях заселения Западной Сибири в позднем палеолите и о большой подвижности этого населения⁴². Особенно важен вывод В.Т. Петрина о тесной связи хронологически близкого бивню западносибирского памятника Черноозерье II с памятниками каменного века Северного и Северо-Восточного Казахстана. Таким образом, изобразившие верблюда люди могли прийти с юга или юго-запада, где были знакомы с этим животным и охотились на него.

³⁸ Кожамкулова 1981, 61–63, рис. 12.

³⁹ Вангенгейм 1977, 136.

⁴⁰ Дэвлет и др. 2018, 146.

⁴¹ Житенев 2018, 131.

⁴² Петрин 1986, 108, рис. 1; Зенин 2002, 40, 42; Лещинский 1997.

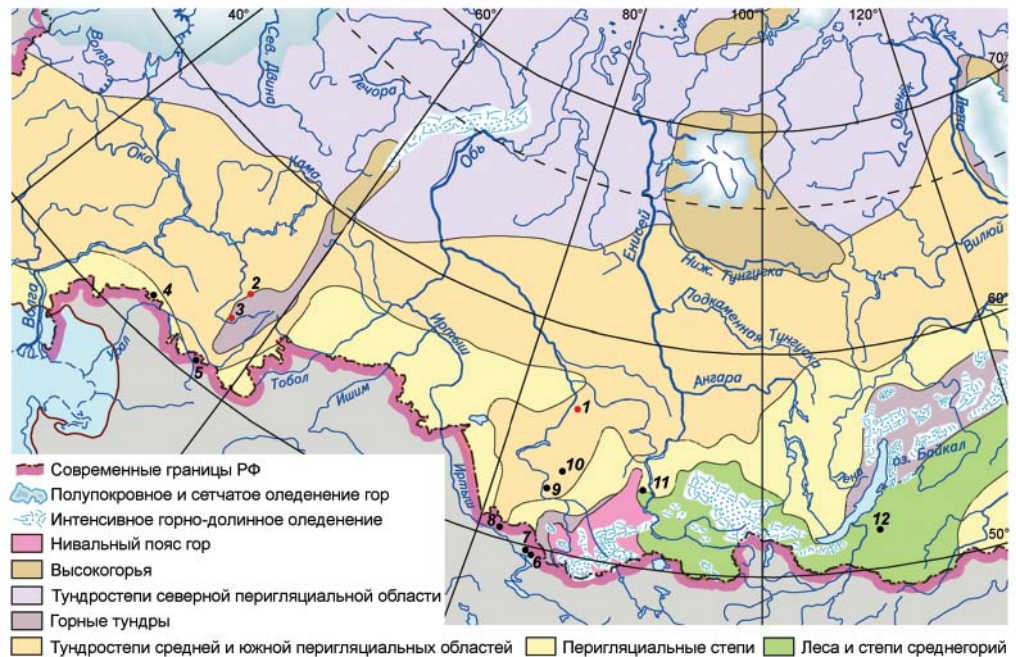

Рис. 11. Карта находок изображений и костей двугорбого верблюда позднего плейстоцена Северной Евразии с границами экосистем для периода 23000–16000 л.н.: 1 – бивень с р. Томь; 2 – Игнatieвская пещера; 3 – Шульган-Таш; 4 – Рубежка; 5 – Мартук; 6 – Зыряновск; 7 – Усть-Бухтарма; 8 – Камышинка; 9 – Барнаул; 10 – Чумыш; 11 – Узунжол; 12 – Каменка 1 (сост. Ю. Н. Есин по: Бородко, Свешников 2004–2008; Titov 2008; Кожамкулова 1981; Маликов 2015а; Клементьев 2011; Васильев 2016)

Однако, если верблюды не встречались в нижнем течении р. Томь, это делает сомнительной или недостаточной интерпретацию прагматики гравировок в рамках упомянутой выше «охотничьей магии», т.к. неясно, зачем тогда понадобилось изображать этих животных. С учетом высокой вероятности продвижения создателей рисунков с юга можно предложить другую, более сложную объясняющую гипотезу для рисунков на бивне. Возможно, причиной изображения верблюдов было особое значение поединков этих животных и охоты на них в культуре определенного сообщества. Вполне вероятно сезонность этой охоты. Такое событие могло маркировать важный момент в ежегодных циклах природной среды и жизнедеятельности общества, а не разовую добычу случайно встреченных животных. Если появление людей со стороны Саяно-Алтая или Прииртышья было сезонным, то они могли продвигаться к северу вдоль рек в теплое время года, а к началу спаривания верблюдов возвращаться назад. Если имело место долговременное переселение этой группы за пределы ареала верблюда, рисунки отражали ранее сформировавшуюся традицию, воспроизведенную на бивне в обрядовых целях в связи с наступлением соответствующего сезона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом рассмотренные особенности стиля, композиции, сохранность и техника нанесения гравировок, контекст и глубина залегания бивня на террасе р. Томь соответствуют его радиоуглеродному возрасту, позволяя датировать имеющиеся изображения финалом позднего палеолита (даже если допускать некоторый временной разрыв между смертью мамонта и использованием его бивня для нанесения гравировок). Таким образом, изображения двугорбых верблюдов на бивне с р. Томь в настоящее время являются самыми древними на территории Азии и вместе с пещерными рисунками Южного Урала принадлежат к числу древнейших в мире.

Большое значение имеет выявленное сходство некоторых стилистических и содержательных признаков изображений на бивне с р. Томь с европейским искусством позднего палеолита. Важно, что это сходство в изобразительной деятельности перекликается с некоторыми результатами анализа материальной культуры сибирских памятников. Обзор основных гипотез о европейских связях отдельных традиций в позднем палеолите Сибири уже сделан недавно В.Н. Широковым в связи с изучением уральских пещерных святилищ⁴³. В данном случае интересны наблюдения ряда исследователей, отмечавших некоторые европейские черты как в каменном, так и костяном инвентаре и украшениях памятника Черноозерье II⁴⁴. Это позволяет допустить обусловленность отмеченного сходства не только эпохальными особенностями культуры человека, но и передачей некоторых традиций во времени и пространстве. Данный вопрос, как и механизм такой трансляции, требует отдельного изучения. Стоит лишь отметить: находка с р. Томь еще раз показывает, что важной сферой бытования изобразительной традиции в позднем палеолите была резьба на различных предметах из кости. В этом случае изобразительные приемы могли закрепляться и передаваться в культуре как часть соответствующих трудовых навыков.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают большую признательность заведующему МАЭС ТГУ Е.В. Барсукову за организационную поддержку изучения находки и сотруднику Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева (г. Новосибирск) Д.Г. Маликову за ознакомление с рукописью и высказанные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородко, А.В., Свешников, В.В. (ред.) 2004–2008: *Национальный атлас России*: в 4 т. М.
Буйновский, Н.А., Хавесон, Я.И. 1953: Первая находка черепа плейстоценового верблюда в Сибири. *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода* 19, 79–81.
Вангенгейм, Э.А. 1977: *Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии (по млекопитающим)*. М.
Варёнов, А.В. 1995: К уточнению датировки пещерного искусства из Хойт-Цэнкер Агуй, Монголия. В сб.: *Наскальное искусство Азии*. 1. Кемерово, 17–18.

⁴³ Широков 2014, 74–77.

⁴⁴ Петрин 1986, 107; Васильев 1990.

- Васильев, Е.А. 2004: Культура древнейших обитателей низовий Томи. В кн.: *По реке времени. Путеводитель к экспозиции*. Северск, 5–18.
- Васильев, С.А. 1990: Поздний палеолит Урала и Зауралья: к вопросу о границах Европейской и Североазиатской зон развития культуры. В сб.: *Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции*. Свердловск, 83–84.
- Васильев, С.А., Абрамова, З.А., Григорьева, Г.В., Лисицын, С.Н., Сеницына, Г.В. 2005: *Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений*. СПб.
- Васильев, С.К. 2016: Новые находки верблюда Кноблеха (*Camelus knoblochi* Nehring, 1901) на предальтайской равнине. В сб.: *Териофауна России и сопредельных территорий. Материалы международного совещания*. М., 69.
- Веснина, Т. 1995: На месте Северска уже в каменном веке жили интеллектуалы. *Томский вестник* 96 (30.05), 4.
- Дэвлет, Е.Г. 2004: *Альтамира: у истоков искусства*. М.
- Дэвлет, Е.Г., Гуилламет, Э., Пахунов, А.С., Григорьев, Н.Н., Гайнуллин, Д.А. 2018: Предварительные данные об изображении верблюда в зале Хаоса пещеры Шульган-таш (Каповой). *Уральский исторический вестник* 1 (58), 141–148.
- Дэвлет, Е.Г., Пахунов, А.С., Агаджанян, А.К. 2018а: Пополнение bestiaria Каповой пещеры (об изображении верблюда в зале Хаоса). *РА* 2, 19–32.
- Евтюхова, Л.А. 1948: *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)*. Абакан.
- Житенев, В.С. 2018: *Капова пещера – палеолитическое подземное святилище*. М.
- Зенин, В.Н. 2002: Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4 (12), 22–44.
- Киселев, С.В. 1951: *Древняя история Южной Сибири*. М.
- Кирчо, Л.Б. 2009: Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии. *Археология, этнография и антропология Евразии* 1 (37), 25–33.
- Клементьев, А.М. 2011: *Ландшафты бассейна реки Уды (Забайкалье) в позднем неоплейстоцене (по фауне крупных млекопитающих)*: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск.
- Кожамкулова, Б.С. 1981: *Позднекайнозойские копытные Казахстана*. Алма-Ата.
- Кондрашев, А.Н. 1996: Кости мамонта на Парусинке. *Диалог. Городской еженедельник* 47 (320) (21.11), 14.
- Королькова, Е.Ф. 2006: *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности*. СПб.
- Кубарев, В.Д. 1999: О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая. *Древности Алтая* 4, 186–201.
- Кызласов, Л.Р., Леонтьев, Н.В. 1980: *Народные рисунки Хакасов*. М.
- Лещинский, С.В. 1997: Зависимость расселения палеолитического человека от миграций крупных травоядных млекопитающих юго-востока Западно-Сибирской равнины. В сб.: В.М. Подобина (ред.), *Эволюция жизни на земле. Материалы I-го международного симпозиума*. Томск, 120–121.
- Макаров, С.С. 2009: Динамика культурного развития и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. Т. 8. Вып. 3, 63–75.
- Маликов, Д.Г. 2015: Зоогеографическая характеристика мамонтовой фауны юга Сибири. *Вестник Томского государственного университета* 398, 233–242.
- Маликов, Д.Г. 2015а: *Крупные млекопитающие среднего-позднего неоплейстоцена Минусинской котловины, стратиграфическое значение и палеозоогеография*: автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Томск.

- Машенко, Е.Н., Шубина, Ю.В., Телегина, С.Н. 2006: *Луговское: пейзаж на фоне ледников*. Ханты-Мансийск–Екатеринбург.
- Молодин, В.И., Черемисин, Д.В. 1999: *Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок*. Новосибирск.
- Мургабаев, С.С. 2013: Проблемы хронологии и культурных связей ранних петроглифов Каратау. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1 (5), 52–65.
- Мухарева, А.Н. 2007: Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины. *АЭАЭ* 4 (32), 102–109.
- Ожередов, Ю.И. 1997: К вопросу о позднеплейстоценовой фауне по материалам археологии. В сб.: В.М. Подобина (ред.), *Эволюция жизни на земле. Материалы I-go международного симпозиума*. Томск, 126–127.
- Ожередов, Ю.И. 2016: Гравированный бивень мамонта из «Парусинки». В сб.: В.В. Бобров (ред.), *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции*. Кемерово, 182–192.
- Окладников, А.П. 1967: *Утро искусства*. Л.
- Окладников, А.П. 1971: Искусство эпохи палеолита. В кн.: А.Л. Монгайт, Н.В. Черкасова (ред.), *История искусства народов СССР*. Т.1. М., 10–22.
- Окладников, А.П. 1972: *Центрально-азиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Цэнкер-Агуй (Сэнгри-Агуй, Западная Монголия)*. Новосибирск.
- Петрин, В.Т. 1986: *Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины*. Новосибирск.
- Сарианиди, В.И. 1976: Печати-амулеты мургабского стиля. *СА* 1, 42–68.
- Сарианиди, В.И. 1989: Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма. *ВДИ* 1, 152–169.
- Сарианиди, В.И. 2010: *Задолго до Заратустры*. М.
- Титов, В.В. 2003: Находка черепа древнего верблюда возле станицы Раздорской. В сб.: А.В. Пономарев (ред.), *Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника*. Вып.1. Ростов-на-Дону, 45–48.
- Цейтлин, С.М. 1979: *Геология палеолита Северной Азии*. М.
- Шер, Я.А. 1978: К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймалы-Таша. В сб.: В.Г. Луконин (ред.), *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*. Л., 163–171.
- Шер, Я.А. 1980: *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. М.
- Широков, В.Н. 2014: Пещерное палеолитическое искусство Урала и Франко-Кантабрии: опыт сопоставления. В сб.: В.Н. Карманов (ред.), *От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века*. Сыктывкар, 69–88.
- Широков, В.Н., Петрин, В.Т. 2013: *Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале*. Екатеринбург.
- Шпанский, А.В. 2019: *Четвертичные крупные млекопитающие Западно-Сибирской равнины: условия обитания и стратиграфическое значение*: автореф. дис. ... докт. геол.-минерал. наук. Томск.
- Burger, P.A. 2016: The history of Old World camelids in the light of molecular genetics. *Tropical Animal Health and Production* 48, Issue 5, 905–913.
- Clottes, J., Lewis-Williams, D. 1997: *Schamanen: Trance und Magie in der Höhlenkunst der Steinzeit*. Sigmaringen.
- Ghirshman, R. 1938: *Fouilles de Tépé Sialk près de Kashan* I. P.
- Larson, G., Fuller, D.Q. 2014: The Evolution of Animal Domestication. *The Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics* 45, 115–136.
- Peters, J., von den Driesch, A. 1997: The two-humped camel (*Camelus bactrianus*): new light on its distribution, management and medical treatment in the past. *J. Zool* 242, 651–679.

- Pitulko, V.V., Pavlova, E.Y., Nikolskiy, P.A., Ivanova, V.V. 2012: The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia. *Antiquity* 86, 642–659.
- Plassard, M-O., Plassard, J. 1995: *Visiter la grotte du Rouffignac*. Bordeaux.
- Sher, Ja. A., Blednova, N., Legshilo, N., Smirnov, D. 1994: *Siberie du Sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie)*. P.
- Titov, V.V. 2008: Habitat conditions for *Camelus knoblochi* and factors in its extinction. *Quaternary International* 179, Issue 1 (March), 120–125.

REFERENCES

- Borodko, A.V., Sveshnikov, V.V. (eds.). 2004–2008: *Natsional'nyy atlas Rossii [National Atlas of Russia]: in 4 vols*. Moscow.
- Burger, P.A. 2016: The history of Old World camelids in the light of molecular genetics. *Tropical Animal Health and Production* 48, Issue 5, 905–913.
- Buynovskiy, N.A., Khaveson, Ya.I. 1953: Pervaya nakhodka cherepa pleystotsenovogo verblyuda v Sibiri [The first find of the skull of the Pleistocene camel in Siberia]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of Commission for Study of the Quaternary]* 19, 79–81.
- Clottes, J., Lewis-Williams, D. 1997: *Schamanen: Trance und Magie in der Höhlenkunst der Steinzeit*. Sigmaringen.
- Devlet, E. G. 2004: *Al'tamira: u istokov iskusstva [Altamira: at the origin of art]*. Moscow.
- Devlet, E.G., Guillamet, E., Pakhunov, A.S., Grigorev, N.N., Gaynullin, D.A. 2018: Predvaritel'nye dannye ob izobrazhenii verblyuda v zale Khaosa peshchery Shul'gan-tash (Kapovoy) [Preliminary results of study of the camel figure at the Chamber of Chaos at Shulgan-Tash (Kapova) Cave]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Journal]* 1 (58), 141–148.
- Devlet, E.G., Pakhunov, A.S., Agadzhanian, A.K. 2018a: Popolnenie bestiariya Kapovoy peshchery (ob izobrazhenii verblyuda v zale Khaosa) [Kapova Cave bestiary replenished (on the image of camel in the Chamber of Chaos)]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]* 2, 19–32.
- Evtyukhova, L.A. 1948: *Arkheologicheskie pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov (khakasov) [Archaeological sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakas)]*. Abakan.
- Ghirshman, R. 1938: *Fouilles de Tépé Sialk près de Kashan I*. Paris.
- Kircho, L.B. 2009: The earliest wheeled transport in Southwestern Central Asia: new finds from Altyn-depe. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 1 (37), 25–33.
- Kiselev, S.V. 1951: *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri [The ancient history of South Siberia]*. Moscow.
- Klementev, A.M. 2011: *Landshafty basseyna reki Udy (Zabaykal'e) v pozdnem neopleystotsene (po faune krupnykh mlekopitayushchikh): avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk [Landscapes of the Uda River Basin (Transbaikalia) in the Late Neopleistocene (on the fauna of large mammals)]*. Irkutsk.
- Kozhamkulova, B. S. 1981: *Pozdnkeynozoyiskie kopytnye Kazakhstana [Late Cenozoic Ungulate Animals of Kazakhstan]*. Alma-Ata.
- Kondrashev, A.N. 1996: Kosti mamonta na Parusinke [Mammoth bones on Parusinka]. *Dialog. Gorodskoy ezhenedel'nik [Dialogue. Town weekly newspaper]* 47 (320) (21.11), 14.
- Korolkova, E.F. 2006: *Zverinyy stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prindlezhnosti [The animal style of Eurasia. Art of the Lower Volga and South Urals tribes in Scythian epoch (7–4 centuries BC). Problems of style and ethnocultural affiliation]*. Saint Petersburg.

- Kubarev, V.D. 1999: O nekotorykh problemakh izucheniya naskal'nogo iskusstva Altaya [On some problems of Altai rock art studies]. *Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]* 4, 186–201.
- Kyzlasov, L.R., Leontev, N.V. 1980: *Narodnye risunki Khakasov [The Khakass Folk drawings]* Moscow.
- Larson, G., Fuller, D. Q. 2014: The Evolution of Animal Domestication. *The Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics* 45, 115–136.
- Leshchinskiy, S.V. 1997: Zavisimost' rasseleniya paleoliticheskogo cheloveka ot migratsiy krupnykh travoyadnykh mlekopitayushchikh yugo-vostoka Zapadno-Sibirskoy ravniny [The influence of Pleistocene large mammals migrations to distribution of an Paleolithic man within Southeast region of Western Siberia Plain]. In.: V.M. Podobina (ed.), *Evolutsiya zhizni na zemle. Materialy I mezhdunarodnogo simpoziuma [Evolution of life on the Earth. Materials of the First International Symposium]*. Tomsk, 120–121.
- Makarov, S.S. 2009: Dinamika kul'turnogo razvitiya i osvoenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v pozdnem pleystotsene [The cultural dynamic and the colonization of Western Siberia plain in Late Pleistocene]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology]*. Vol. 8. Iss. 3, 63–75.
- Malikov, D.G. 2015: Zoogeograficheskaya kharakteristika mamontovoy fauny yuga Sibiri [Zoogeographical features of mammoth fauna of the South of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]* 398, 233–242.
- Malikov, D.G. 2015a: *Krupnye mlekopitayushchie srednego-pozdnego neopleystotsena Minusinskoy kotloviny, stratigraficheskoe znachenie i paleozoogeografiya [Large mammals of the Middle-Late Neopleistocene of the Minusinsk Basin, stratigraphic value and paleozoogeography]*: PhD Thesis. Tomsk.
- Mashchenko, E.N., Shubina, Yu.V., Telegina, S.N. 2006: *Lugovskoe: peyzazh na fone lednikov [Lugovskoe: landscape on the background of glaciers]*. Khanty-Mansiysk–Yekaterinburg.
- Molodin, V.I., Cheremisin, D.V. 1999: *Drevneyshie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok [The most ancient rock-depictions of the Ukok Plateau]*. Novosibirsk.
- Mukhareva, A.N. 2007: Camel Scenes in the Rock Art of the Minusinsk Basin. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 4 (32), 102–109.
- Murgabaev, S.S. 2013: Problemy khronologii i kul'turnykh svyazey rannikh petroglifov Karatau [Problems of chronology and cultural relations of the Karatau early petroglyphs]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Sayan-Altai Scientific Review]* 1 (5), 52–65.
- Okladnikov, A.P. 1967: *Utro iskusstva [The morning of art]*. Leningrad.
- Okladnikov, A.P. 1971: Iskusstvo epokhi paleolita [Paleolithic art]. In.: N.V. Cherkasova (ed.), *Istoriya iskusstva narodov SSSR [History of the Art of the Peoples of the USSR]*. Vol. 1. Moscow, 10–22.
- Okladnikov, A.P. 1972: *Tsentrallyy no-aziatskiy ochag pervobytnogo iskusstva (peshchernye rospisi Khoyt-Tsenker-Aguy (Sengri-Aguy, Zapadnaya Mongoliya) [Central Asian center of prehistoric art (cave paintings of Hoyt-Tsenker-Agui (Sengri-Agui, Western Mongolia)]*. Novosibirsk.
- Ozheredov, Yu. I. 1997: K voprosu o pozdnepleystotsenovoy faune po materialam arkheologii [To the question of the Late Pleistocene fauna on data of archeology]. In.: *Evolutsiya zhizni na zemle. Materialy I mezhdunarodnogo simpoziuma [Evolution of life on the Earth. Materials of the First International Symposium]*. Tomsk, 126–127.
- Ozheredov, Yu.I. 2016: Gravirovannyi biven' mamonta iz «Parusinki» [Engraved mammoth tusk discovered in “Parusinka”]. In.: V.M. Podobina (ed.), *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya): materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation): Proceedings of the International Conference]*. Kemerovo, 182–192.

- Peters, J., von den Driesch, A. 1997: The two-humped camel (*Camelus bactrianus*): new light on its distribution, management and medical treatment in the past. *J. Zool* 242, 651–679.
- Petrin, V.T. 1986: *Paleoliticheskie pamyatniki Zapadno-Sibirskoy ravniny* [*Paleolithic sites of the West Siberia Plain*]. Novosibirsk.
- Pitulko, V.V., Pavlova, E.Y., Nikolskiy, P.A., Ivanova, V.V. 2012: The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia. *Antiquity* 86, 642–659.
- Plassard, M-O., Plassard, J. 1995: *Visiter la grotte du Rouffignac*. Bordeaux.
- Sarianidi, V.I. 1976: Pechati-amulety murgabskogo stilya [Stamps-amulets of the Murghab style]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 42–68.
- Sarianidi, V.I. 1989: Protozoroastriyskiy khram v Margiane i problema vzniknoveniya zoroastriзма [Proto-Zoroastrian temple in Margiana and the problem of the origin of Zoroastrianism]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 152–169.
- Sarianidi, V.I. 2010: *Zadolgo do Zaratushtry* [*Long before Zaratushtra*]. Moscow.
- Sher, Ya.A. 1978: K interpretatsii syuzhetov nekotorykh petroglifov Saymaly-Tasha [To the interpretation of the scenes of some petroglyphs of Saimaly-Tash]. In.: V.G. Lukonin (ed.), *Kul'tura Vostoka. Drevnost' i rannee srednevekov'e* [*Culture of the East. Antiquity and the Early Middle Ages*]. Leningrad, 163–171.
- Sher, Ya.A. 1980: *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Central and Inner Asia]. Moscow.
- Sher, Ja.A., Blednova, N., Legshilo, N., Smirnov, D. 1994: *Siberie du Sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie)*. P.
- Shirokov, V.N. 2014: Peshchernoe paleoliticheskoe iskusstvo Urala i Franko-Kantabrii: opyt sopostavleniya [Cave Paleolithic art of the Urals and Franco-Cantabria: an experience in comparative study]. In.: V.N. Karmanov (ed.), *Ot Baltiki do Urala: izyskaniya po arkheologii kamennogo veka* [*From the Baltic to the Urals: investigations in the Stone Age archaeology*]. Syktyvkar, 69–88.
- Shirokov, V.N., Petrin, V.T. 2013: *Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Yuzhnom Urale* [*Ice Age Art. The Ignatievskaya and Serpievskaya 2 caves in the South Urals*]. Yekaterinburg.
- Shpanskiy, A.V. 2019: *Chetvertichnye krupnye mlekopitayushchie Zapadno-Sibirskoy ravniny: usloviya obitaniya i stratigraficheskoe znachenie: avtoref. dis. ... dokt. geol.-mineral. nauk* [*Quaternary large mammals of the West Siberia Plain: habitat conditions and stratigraphic significance*]: PhD Thesis. Tomsk.
- Titov, V.V. 2003: Nakhodka cherepa drevnego verblyuda vozle stanitsy Razdorskoy [The find of the skull of an ancient camel near the village of Razdorskaya]. In.: A.V. Ponomarev (ed.), *Istoriko-kul'turnye i prirodnye issledovaniya na territorii Razdorskogo etnograficheskogo muzeya-zapovednika* [*History-cultural and natural studies on the territory of the Razdorsky ethnographic museum-reserve*]. 1. Rostov-on-Don, 45–48.
- Titov, V.V. 2008: Habitat conditions for *Camelus knoblochi* and factors in its extinction. *Quaternary International* 179. Iss. 1 (March), 120–125.
- Tseytlin, S.M. 1979: *Geologiya paleolita Severnoy Azii* [*The geology of Paleolithic of North Asia*]. Moscow.
- Vangengeym, E.A. 1977: *Paleontologicheskoe obosnovanie stratigrafii antropogena Severnoy Azii (po mlekopitayushchim)* [*Paleontological substantiation of the stratigraphy of the anthropogen of Northern Asia (by mammals)*]. Moscow.
- Varenov, A.V. 1995: K utochneniyu datirovki peshchernogo iskusstva iz Khoyt-Tsenker Aguy, Mongoliya [On specification of the date of cave art from Hoyt-Tsenker Agui, Mongolia]. In.: *Naskal'noe iskusstvo Azii* [*Rock art of Asia*]. 1. Kemerovo, 17–18.

- Vasil'ev, E. A. 2004: Kul'tura drevneyshikh obitateley nizoviy Tomi [Culture of the ancient inhabitants of the Lower Tom]. In.: *Po reke vremeni. Putevoditel'k ekspozitsii* [By the river of time. Exhibition guidebook]. Seversk, 5–18.
- Vasilev, S.A. 1990: Pozdnyy paleolit Urala i Zaural'ya: k voprosu o granitsakh Evropeyskoy i Severoaziatskoy zon razvitiya kul'tury [Late Palaeolithic of the Urals and Trans-Urals: on the issue of the borders of the European and North-Asian zones of cultural development]. In.: *Metodologiya, istoriografiya i istochniki izucheniya istoricheskogo opyta regional'nogo razvitiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii* [Methodology, historiography and sources for the study of the historical experience of regional development: Abstracts of reports of the scientific conference]. Sverdlovsk, 83–84.
- Vasilev, S.A., Abramova, Z.A., Grigor'eva, G.V., Lisitsyn, S.N., Sinitsyna, G.V. 2005: *Pozdnyy paleolit Severnoy Evrazii: paleoekologiya i struktura poseleniy* [Late Paleolithic of Northern Eurasia: paleoecology and settlement structure]. Saint Petersburg.
- Vasilev, S.K. 2016: Novye nakhodki verblyuda Knoblokha (*Camelus knoblochi* Nehring, 1901) na predaltayskoy ravnine [New finds of the camel Knobloch (*Camelus knoblochi* Nehring, 1901) on the Pre-Altai Plain]. In.: *Teriofauna Rossii i sopredel'nykh territoriy. Materialy mezhdunarodnogo soveshchaniya* [Theriofauna of Russia and adjacent territories. Materials of the International Conference]. Moscow, 69.
- Vesnina, T. 1995: Na meste Severska uzhe v kamennom veke zhili intellektualy [Intellectuals lived in the place of Seversk already in the Stone Age]. *Tomskiy vestnik* [Tomsk Bulletin] 96 (30.05), 4.
- Zenin, VN. 2002: Major stages in the human occupation of the West Siberian Plain during the Paleolithic. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 4 (12), 22–44.
- Zhitenev, V.S. 2018: *Kapova peshchera – paleoliticheskoe podzemnoe svyatilishche* [Kapova Cave – Paleolithic underground sanctuary]. Moscow.

CAMEL IMAGES OF THE PALEOLITHIC AGE ON THE TOM RIVER IN WEST SIBERIA

Yuri N. Esin¹, Jerome Magail², Fabrice Monna³, Yuri I. Ozheredov⁴

¹ *Khakassian Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia*
esin2006@yandex.ru

² *Museum of Prehistoric Anthropology of Monaco, Monaco*
jerome.magail@map-mc.com

³ *University of Burgundy - UMR 6298-CNRS - Ministry of Culture, Dijon, France*
fabrice.monna@u-bourgogne.fr

⁴ *Independent researcher, Tomsk, Russia*
nohoister@gmail.com

Abstract. The article is devoted to engravings on a fragment of a mammoth tusk from lower reaches of the Tom River in West Siberia. It was found in 1988 during construction works on the outskirts of Seversk and transferred to the Tomsk University, but for a long time it has been remained out of specialists' view. According to the results of AMS dating its age is 13100–13005 Cal BP. On the surface of the object four two-humped camels with arrows and wounds in the body and possibly an anthropomorphic figure are depicted. The sequence of their application is established. Camels form two pairs, heads facing each other. Each pair can be perceived as an independent composition and as a part of a general composition on the object. Pairs of

the opposed animals are correlated to the habit of natural behavior of camels – fights of males during mating season. The most important stylistic feature of the images is a series of short transverse lines along the contour of the figures, representing wool. This technique is typical for the Upper Palaeolithic of Europe and detected in the Late Upper Palaeolithic of West Siberia. The comparative analysis of animals on the tusk with images of camels in caves of the southern Urals, in art of South Siberia and Central Asia is carried out. It is concluded that at present the images of camels on the tusk from the Tom River are the oldest in Asia. Their discovery in this area is consistent with the hypothesis of the emergence of mobile population groups from more southern territories in the Late Upper Palaeolithic in West Siberia.

Keywords: West Siberia, Late Upper Palaeolithic, Palaeolithic art, mammoth tusk, two-humped camel
